

ИРИНА МАРИНИЧ,

младший научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

Социальная реальность в социологической традиции и современных теориях: достижения и проблемы

Abstract

The theoretical-methodological pluralistic sociology makes non-contradictory and comprehensive research of social reality impossible. The analytical and prognostic possibility of the social life phenomena “descriptive classification” are limited by the high complexity of a human being and society, their informational multidimensionality, non-linearity and adaptivity in the situation of parameterical uncertainty of study object, as well as arbitrary choice and interpretation of its parameters and natural language polysemy. The search of methodology suitable for the investigation of such highly complicated and differentiated systems inevitably leads to modelling, which is an efficient and flexible research tool of wide use.

“Социальная реальность” — социологическое понятие, выражающее не только определенные свойства ансамбля социальных отношений как бытия-существования-социального-мира-самого-по-себе, но и уровень социологических представлений своего времени в целом. Именно в такой роли “социальная реальность” задает меру для любой социологической мысли о сущем социального мира.

Качанов Ю.Л. Начало социологии

Вопрос о природе социальной реальности и способах получения знания о ней и ныне является актуальным для социологии.

Развитие системы социологического знания в последние десятилетия характеризует его как многоуровневое и полипарадигматическое. Даже беглый взгляд на современный теоретический и методологический дискурс в

социологии [1] дает основания сделать вывод о его необозримости. Количество существующих точек зрения в теоретической социологии почти безгранично. “Множество парадигматозов”, которые множатся, как метастазы опухоли, угрожает социологии катастрофическими последствиями. Уже сегодня трудно избавиться от ощущения “теоретической свалки” [2].

В мировой социологии наблюдается дробление и фракционность теоретических школ, размежевание конкурирующих теоретиков и соперничество парадигм. “Было бы глупо возражать, что нынешнее состояние социологической теории не вызывает никакого энтузиазма” [3, с. 298]. “Дьявол плюрализма теорий” [2, с. 242] порождает безмерность проблем, которые требуют научного объяснения. Нужно признать, что возможности развития социологического знания в предложенных ранее подходах практически исчерпаны. Сложившиеся теоретические парадигмы не позволяют *непротиворечиво* объяснить глобальные изменения, произошедшие в социальной жизни человечества. Возросли темпы социальных изменений, нарастают и изменения теоретико-методологических предпосылок и стратегических принципов поиска новой парадигмы в социологии, созвучной изменяющейся социальной реальности.

Природа социальной реальности в теоретическом видении

Различные и многочисленные попытки определить социальную реальность закончились ее, собственно говоря, открытием. Это был длительный многовековой процесс, сделавший возможным становление социологии как самостоятельной науки. Благодаря именно открытию социальной реальности как таковой мы обнаружили и общество, которое уже не теряется, растворяясь в других сферах (природной, психической) и смешиваясь с ними. Особая реальность общества — *социальная* — стала объектом познавательного интереса социологии.

В вопросе о природе социальной реальности и наилучшем способе получения знания о ней среди социологов нет единогласия. Но всё же, вопреки пестроте и разнообразию социологических теорий, им присуще нечто общее, а именно стремление ответить на основные вопросы: 1) какова структура общества; 2) как оно функционирует в целом и как функционируют его отдельные подсистемы; 3) как и в каком направлении общество развивается. При этом единицами социальной структуры выступают или макрообъекты (классы, слои, общности, население, толпа, масса, элита, организации, институты, элементы культуры и т.п.), или микрообъекты (личность, группа, действие, взаимодействие), или различные их комбинации.

Исходя из этого, все социологические теории можно разбить на два блока. Первый — это теории, авторы которых, анализируя макроструктурные подсистемы общества, пытаются раскрыть его структурно-динамические характеристики, ответить на вопрос, как эволюционирует общество. Второй блок — это теории, нацеленные на анализ функциональных характеристик образующих общество элементов через анализ структуры действия и взаимодействия. Второй блок, в свою очередь, можно разбить еще на две разновидности социологических теорий: теории социального действия (когда через анализ действия и взаимодействия пытаются раскрыть все богатство социальных явлений); теории социального взаимодействия (когда теоретический анализ направлен на выявление тех связей и отношений, которые устанавливаются между людьми в пределах небольших объеди-

нений и групп). Таким образом, все социологические теории онтологического плана можно рассматривать в трех ракурсах: 1) теории социальной динамики (или теории социальной эволюции, развития и прогресса); 2) теории социального действия; 3) теории социального взаимодействия [1].

Наиболее целостное представление о социальной реальности как воплощении общественных процессов и явлений сложилось в концепциях таких социологов, как Э.Дюркгейм, М.Вебер, Ф.Теннис, Г.Зиммель, В.Парето [1]. В их интерпретации эта реальность предстала в единстве своих объективных и субъективных измерений — как совокупность человеческих действий, взаимодействий, отношений, норм, процессов, явлений, институтов и приписываемых им смыслов и значений, которые нужно расшифровывать, интерпретировать и объяснять, т.е. понимать. Другими словами, фактичность социальной реальности мыслилась как продукт не только действий и взаимодействий индивидов и групп, но и понимающей, интерпретационной способности этих индивидов, которые приносят внутренний смысл в свои действия. Это означает, что социальная реальность создается и организуется под влиянием не только причинных, но и целевых (значимых, ценностных) факторов. Кроме того, она проявляет себя на двух уровнях: наблюдаемых событий и фактов и приписываемых им внутренних смыслов и значений, которые не наблюдаются, но интерпретируются.

Для понимания “социального реализма” (“социологизма”) Э.Дюркгейма необходимо различать в нем два аспекта: онтологический и методологический. Онтологическая сторона “социологизма”, то есть концепция социальной реальности, предполагает такие базовые постулаты [4]:

- социальная реальность включена в универсальный природный порядок, как и другие виды реальности, а поэтому, подобно им, развивается в соответствии с определенными законами;
- общество есть реальность *sui generis* — особого рода, которая не сводится к другим ее видам.

Речь идет, в первую очередь, об автономии социальной реальности относительно индивидуальной, то есть психической реальности, воплощенной в индивидах. Дихотомия индивида и общества выступает в форме понятийных пар, выражающих разнородность этих реальностей: “индивидуальные факты — социальные факты”, “индивидуальные представления — коллективные представления”, “индивидуальное сознание — коллективное сознание”, “профанное — священное”. Аспекты, воплощающие реальность социальную, безраздельно господствуют над всем индивидуальным. То есть Э.Дюркгейм, утверждая примат социальной реальности по отношению к индивидуальной, предполагает ее исключительное значение в детерминации человеческого сознания и поведения. Общество в его интерпретации выступает как независимая от индивидов, вне- и надындивидуальная реальность. Оно является более богатой и более “реальной” реальностью, нежели индивид, оно доминирует над ним и создает его.

В целом точку зрения “социального реализма” в разное время и с разной степенью “реализма” отстаивали французские традиционалисты Ж. де Местр и Л.Бональд; мыслитель К.Сен-Симон и основатель социологии О.Конт; английский теоретик позитивизма Г.Спенсер (невзирая на общий индивидуалистический пафос его системы); французские социологи А.Эспинас и Ж.Изуле; русский социолог Е. Де Роберти; польско-австрийский социолог Л.Гумплович; немецкий философ О.Шпанн и др. [1].

Лишь в конце XX столетия созрело понимание того факта, что социальное взаимодействие является не процессом одностороннего приспособления, а именно взаимодействием двух относительно автономных систем — личности и общества. *Концепция социальной реальности* Дж.Мида [5] сформировалась как отклик на потребность изучения влияния внутреннего мира личности на ход социального прогресса.

Пытаясь понять механизм человеческого поведения как принципиально отличающегося от поведения животного, Дж.Мид исследовал механизмы взаимодействия человеческой индивидуальности (самости) и общества, характер их взаимовлияния и взаимозависимости. Дж.Мид предложил оригинальную трактовку феномена сознания, вписав его в контекст социальной и личностной эволюции.

Повышенное внимание к процессу эволюции рассматриваемых явлений и звеньев социального взаимодействия связаны у Мида с разработкой категории “коммуникации”. Дж.Мид писал: “Принцип, который, как я предполагаю, является основным в социальной организации, есть коммуникация, вовлекающая других в процесс соучастия. Он требует присутствия других в самости, идентификации других с самостью, обретения самосознания через других” [5, с. 252]. Определение указывает на то, что коммуникация проявляет сущностные характеристики общества и индивида, их единство, достигаемое в процессе взаимного приспособления. Оригинальность концепции Мида обусловлена тем, что она построена на фундаменте идей из самых разных научных областей. Однако Миду удалось при этом избежать эклектики.

Четкость в постановке собственных целей и задач позволяла интерпретировать разные по характеру постулаты в едином методологическом ключе. Так, коммуникация, по мнению Дж.Мида, является не чем иным, как способом взаимоприспособления индивидов, который становится центральным звеном механизма самоподдержания и саморазвития общества. Специфику коммуникации Дж.Мид усматривал в символичности. Он предложил чрезвычайно емкое философское понимание символизации. “Символизация конституирует объекты; причем конституирование происходит в момент попадания их в контекст социального взаимодействия, где имеет место символизация” [5, с. 78]. Под объектами Мид имеет в виду самих партнеров по взаимодействию. Они могут действовать как субъекты, но в жестах, языке и т.п. проявляют себя как объекты, то есть их изнутри направляет культура, комплекс усвоенных норм и ценностей. Символика жестов и языка, по мнению Мида, позволяет существовать обществу в его определенной качественной целостности и человеку в его специфической социальной сущности. Особое значение в системе символов принадлежит языку, который, в понимании ученого, является “голосовым жестом”. По значимости в жизни общества и человека он не имеет себе равных. Новизна поставленной исследователем цели диктовала необходимость разработки оригинальной методологии — Дж.Мид предложил ее, став основателем направления *символического интеракционизма*.

Относительно современного положения и перспектив *социологии поведения и теории обмена*, а также *поведенческой парадигмы* в целом можно согласиться, что это одна из наиболее интересных сфер в современной социологии, в частности теоретической [см.: 6, с. 14]. Например, теоретик обмена Дж.Хоманс критикует объяснения социального поведения на микроуровне, предложенные такими учеными, как Э.Дюркгейм, Т.Парсонс и

К.Леви-Стросс, и пытается объяснить его с позиций бихевиоризма. В целом Дж.Хоманс считает, что психологические принципы могут быть применены для объяснения не только индивидуального поведения, но и социальной структуры и социальных изменений.

Свои объяснительные принципы предполагает парадигма *социальных фактов*, согласно которой предметом социологии являются широкомасштабные социальные структуры и институты и влияние их на действующих субъектов, на их мысли и поступки. Эта парадигма объединяет в себе основания структурного функционализма, теории конфликта и неомарксистской теории в некоторых ее версиях.

Иное видение предлагает парадигма *социальных дефиниций*, направленная на исследование действующих субъектов, их способов конструирования социальной реальности и действий, порождаемых этими конструкциями. С точки зрения сторонников этой парадигмы, действующим субъектам присуща относительная свобода и творческое начало. В таких парадигматических рамках работают символические интеракционалисты, феноменологи, этнометодологи и некоторые неомарксисты.

Заслуживает внимания также попытка П.Зингельмана [7] объединить концепции *символического интеракционизма* и *теории обмена*. Он считает, что обе концепции постулируют непрерывное конструирование и реконструирование моделей взаимодействия. Вместе с тем он утверждает, что “обмен может быть концептуализирован как символическое взаимодействие” [7, с. 419], то есть обмен порождает символическую коммуникацию. Впрочем, Зингельман пытался объединить теории, которые объединить нельзя.

Представление о социальной реальности как чем-то искусственном по своей природе, то есть созданном самими действующими индивидами, характерно для социологов феноменологического направления (Э.Гуссерль), значительное влияние на которых оказали труды австрийского философа А.Шюца. В центре внимания А.Шюца — проблема “интерсубъективности”, которая сводится к тому, “*как мы понимаем друг друга, как формируется общее восприятие и общее представление о мире*” (курсив мой. — *И.М.*) [8, с. 46]. Анализ Шюцем интерсубъективности создал фундамент “*социологии повседневного знания*” — одной из наиболее разработанных на сегодня концепций феноменологической социологии.

Каждый человек, пишет А.Шюц, имеет уникальную биографию и воспринимает мир по-своему. Однако этим не исчерпывается собственно интерсубъективность, предполагающая “взаимность перспектив”, благодаря существованию которой становится возможным взаимодействие людей. Человек, по Шюцу, воспринимает внешний мир — вещи, события — как типы. “Типизирующим медиумом”, при посредничестве которого передается социально обусловленное знание, является повседневный язык, его словарь и синтаксис. Обычный, повседневный мир, по Шюцу, являет “высшую реальность”, наиболее важную для человеческого познания. Относительно ее вырабатывается особая, природная установка. Согласно *понимающей социологии* А.Шюца, настоящее понимание другого индивида всегда является пониманием субъективных смыслов другого, то есть выявлением контекстных значений, лежащих вне определений. В результате, как считает Шюц, мы воспринимаем все во взаимодействии с другими, на основе способности людей общаться и понимать друг друга. Знание жизненного мира базируется на здравом смысле, который строится на интерсубъективном понимании.

Под названием *многомерной социологии* известны теоретические исследования Дж.Александера. Он попытался сформулировать “новую теоретическую логику социологии”, которая связана с решением двух проблем: (1) проблемы социального действия, или особой природы норм и мотиваций, и (2) проблемы порядка (“каким образом множество действий становится взаимосвязанным и упорядоченным”) [9, с. 90].

Дж.Александр, как отмечает Дж.Ритцер [10, с. 491], исходит из существования макро- и микроконтинуума, который, по его мнению, определяет социальный порядок в обществе. В плане макроконтинуума социальный порядок создается извне и имеет коллективистский характер. В плане микроконтинуума он задается интериоризированными силами и имеет характер индивидуалистический. Считая, что два континуума — социального действия и социального порядка — можно объединить, Дж.Александр выступал за всеобъемлющий теоретический подход к пониманию социальной реальности и взаимодействия ее уровней, а также объединения “индивидуального” и “коллективного” уровней анализа.

Дж.Коулмен, последовательно критикуя структурный функционализм, формулирует еще один вариант *интегративной теории социального действия*. “...Оказывается, — пишет он, — что центральных проблем две: каким образом целенаправленные действия субъектов складываются в поведение системного уровня и как, с другой стороны, эти целенаправленные действия формируются принуждениями, обусловленными поведением системы” [11, с. 1312]. Коулмен считает, что понятие “намерения”, “целенаправленности” и “гомеостазиса” следует принимать во внимание с ограничениями, только на уровне действующих субъектов в социальной системе, а не на уровне самой системы. Фактически это попытка реконструкции теории социального действия с обращением к микроосновам: социальным действиям отдельных людей или “корпоративных субъектов”. То есть теория Коулмена распространяет концепцию “теоретического гуманизма” на интерпретацию социальной реальности и ее процессов. Это одна из разновидностей микро-теоретического подхода к социальной реальности.

Избежать крайностей “теоретического гуманизма” и структурализма попытался Б.Хиндес. Вопреки микроэкстремизму теоретического гуманизма (социальная жизнь с точки зрения “конституирующих действий индивидов” [12, с. 113]), с одной стороны, и структуралистского макроэкстремизма (социальная жизнь в плане функционирования социальных целостностей) — с другой, Б.Хиндес предлагает “всеобъемлющую” интегративную концепцию социальной реальности, базирующуюся на “*радикально анти-редукционистском подходе*” — допущении, что социальные феномены всегда зависят от таких факторов, которые поддаются определению. К ним принадлежат решения и действия субъектов, а также социальные условия, внешние по отношению к индивиду и не сводящиеся ни к одному из общих принципов объяснения. Действующие субъекты, по Б.Хиндесу, одновременно и способны творить, и ограничены принуждением, они могут изменить социальную реальность, но не сразу и не в одиночку.

Макротеоретическая трактовка социальной реальности и ее процессов представлена и в работах Р.Берта [13]. Он был первым среди теоретиков социальных сетей, которые стремились разработать интегративный макро-микроподход, избежав при этом разрыва между “атомистическим” (индивидуальным) действием и нормативным (включенным в структуру). Концеп-

ция Р.Берта самим автором определяется как *структурная перспектива*: хотя действия индивидов являются целенаправленными (поиски выгоды), а их деятельностный потенциал определяется социальной структурой.

Таким образом, многочисленные концепции природы и сущности социальной реальности представляют ее в виде либо макро- и микроконтинуума, либо континуума объективно-субъективного. Цепочка от микро- к макроуровню социальной реальности включает такие звенья: индивиды, или действующие личности и их взаимодействие; социальные группы, социальные институты и организации; типы обществ и типы цивилизаций. Объективный уровень образуют действующие индивиды, социальные действия и взаимодействия, структуры управления, законы, социальные и экономические институты и институции. Субъективный уровень представлен такими явлениями, как социальные установки, нормы, ценности, ценностные ориентации, культурные символы и т.п.

Методологии исследования социальной реальности

По своей внутренней организации социология является не столько системой, сколько гигантским конгломератом, совокупностью системных и системоподобных образований: идей, теорий, концепций, гипотез, учений, методологий, методик и т.п. Такое методологическое разнообразие усложняет, а то и делает невозможным сопоставление результатов разных исследований социальной реальности.

Установки методологического плана прослеживаются во всех социологических теориях. Есть и такие концепции, которые имеют сугубо методологический характер (например, социометрия или этнометодология). В конечном счете все методологические основания можно объединить в определенные группы:

- Методологические парадигмы позитивизма, неопозитивизма и эмпиризма.
- Методологические концепции понимающей социологии, феноменологии и этнометодологии.
- Методологические установки структурализма и функционализма.
- Методологические и методические установки социометрии.

XIX век ознаменовался новым расцветом рационализма, что было обусловлено впечатляющими достижениями естественных наук, ориентированных на наблюдение и эксперимент, и соответствующие формы теоретического знания, предполагающего процедуры объяснения. На фоне этих достижений старая социальная философия и рассуждения обществоведов представлялись анахронизмом, образцом спекулятивного, оторванного от жизни мышления. Передовые мыслители начала XIX века поставили цель переосмыслить социально-философское знание в соответствии с идеалами естественно-научного познания. Объективность и практическая применимость знания начали рассматриваться как критерий истинно научного (позитивного) познания, которому должна соответствовать и новая наука об обществе — социология.

О.Конт сделал качественное описание методов социологического познания, выделяя наблюдение в качестве главного метода [14]. Его английский последователь Дж.Милль подвел под них логическую базу на основании принципов индуктивной логики, определенных правил наблюдения, обобщения фактов и построения научного объяснения [15]. Последнее име-

ет особо важное значение в позитивистской методологии социального познания, согласно которой научное объяснение может быть построено лишь на основе знания законов. Можно сказать, что для позитивизма (как и для неопозитивизма) проблема объяснения (наряду с проблемой наблюдения и эмпирической проверки знания) имеет ключевое значение в плане построения научного знания и выявления его основных функций.

Методологический аспект “социологизма” такого образца тесно связан с его онтологическим аспектом. Поскольку общество является частью природы, постольку наука об обществе — социология — подобна наукам о природе в части методологии; ее познавательной целью провозглашается исследование устойчивых причинно-следственных связей и закономерностей. Так, Э.Дюркгейм настаивает на применении в социологии объективных методов, аналогичных методам естественных наук. Основным принцип его методологии высказан в знаменитой формуле: “Социальные факты нужно рассматривать как вещи”. То есть исследованию должны подвергаться в первую очередь не понятия о социальной реальности, а она сама непосредственно. Поскольку же, согласно “социальному реализму” Дюркгейма, общество является доминирующей, высшей реальностью, постольку происходит социологизация как объясняемых фактов, так и объясняющих факторов [4]. Методологический монизм Дюркгейма резко контрастирует с дуалистическими трактованиями научной методологии, которые противопоставляли “объяснение” и “понимание” (В.Дильтей), “номотетический” и “идиографический” методы (В.Виндельбанд), “генерализацию” и “индивидуализацию” (Г.Риккерт) в естественных науках и науках о культуре [1].

Вся дальнейшая интенция позитивистской методологии (неопозитивизм, сциентизм) была нацелена на детальную проработку тезиса Дж.Милля о том, что с логической точки зрения любое объяснение является дедуктивным выводом, основанием которого выступает формулирование того или иного закона. В современной методологии научного познания это нашло воплощение в “теории всеохватывающего закона”.

Какие бы то ни было критические замечания в адрес Дж.Милля отнюдь не отрицают его вклада в методологию общественных наук, в частности, его аргументов в защиту универсального естественнонаучного метода, к опровержению которых столько усилий приложили неокантианцы. Именно у Милля завязываются узлы тех не только методологических, но и мировоззренческих споров о соотношении “реализма” и “номинализма”, “генерализации” и “индивидуализации” в общественных науках, которые не оставляют социологическую мысль и сегодня.

Свой вклад в разработку очерченного направления социальной теории сделали К.Поппер, К.Гемпель, Э.Нагель и др. И в наше время идея идентичности естественно-научного и социально-исторического объяснения остается господствующей в рамках неопозитивистской (сциентистской) методологии. По этому поводу К.Поппер, например, писал: “Как уже говорилось, дедуктивные методы получили широкое распространение, и значимость их гораздо более высока, нежели мог предположить Милль”. Далее, раздумывая о концепции единства метода, Поппер утверждает: “...все теоретические, или обобщающие науки (неважно, естественные или социальные) пользуются одним и тем же методом... Не стану утверждать, что между методами теоретических наук о природе и об обществе не существует никаких различий; они есть даже между разными естественными науками, так же, как и

между социальными науками... Но я согласен с Контом и Миллем., что методы, применяемые в этих двух областях знания, в сущности своей одинаковы... Они заключаются в выдвижении дедуктивных причинных объяснений и их проверке (через проверку предсказаний). Иногда это называется гипотетично-дедуктивным методом, чаще — гипотетическим методом, поскольку он не сообщает абсолютной достоверности проверенным с его помощью научным положениям” [цит. по: 16, с. 150–151].

Расширяя проблему объяснения до границ проблемы предсказания (прогноза), К.Поппер, а затем и многие из современных позитивистов развивают концепцию теоретического знания, построенного на основе гипотетично-дедуктивного метода, и признания его универсальности, т.е. одинаковой применимости как в естественных, так и в общественных науках.

Однако ригоризм методологических установок позитивизма и сциентизма привел к образованию оппозиции этому направлению как внутри позитивизма, так и вне его. Первое было связано с усилением эмпирических тенденций, с пренебрежительным отношением вообще ко всяческому теоретическим обобщениям, второе (внешняя оппозиция) ярко проявилось в антипозитивистских (антисциентистских) направлениях теоретической мысли. С современной точки зрения, некоторым отягчающим обстоятельством для плодотворного развития позитивизма XIX века была механистичность его подходов и слишком прямолинейные физические аналогии применительно к психике человека и социальной реальности, что часто походило на фальсификацию.

В социологии, как известно, эмпиризм проявился в двух основных направлениях. С одной стороны, предполагалось, что основным методом познания социальных явлений должен стать метод наблюдения, а отсюда — эксперимент; с другой стороны, допускалось, что социология должна использовать в качестве эмпирических данных различные статистические показатели. Именно на эту сторону проблемы обратил внимание франко-бельгийский ученый-математик Л.Кетле, который, как и О.Конт, был известен как основатель социальной философии, но, в отличие от последнего, считал, что главными инструментами познания социальных явлений должны быть статистические методы (сбор статистических данных, корреляционный анализ их, выведение статистических закономерностей и т.п.).

Методологическая ориентация позитивизма на эмпирические методы познания (как на источник истинной информации о социальных явлениях) обусловила формирование в недрах социологии особого корпуса социальных исследований, ориентированных на исследование либо локальных объектов (малых групп, изучение которых требовало применения методов наблюдения и эксперимента), либо массовых явлений (например, демографических процессов, общественного мнения и т.п.), но через их статистическое описание. Постепенно в социологии сложился мощный пласт эмпирических (прикладных) исследований, который требовал своего методологического обеспечения. В середине XX столетия в социологии даже стало ощутимым противостояние теоретической и эмпирической ветвей знания. Оппозиционное позитивизму направление в социологической методологии оформилось в виде “*понимающей социологии*”.

В конце XIX — начале XX века получила распространение *психологическая социология* с такими ее направлениями, как *психологический эволюционизм, инстинктивизм, “психология народов”, групповая психология, интер-*

акционизм. Так, психологический эволюционизм был попыткой редукции социальных явлений к процессам и проявлениям сугубо психологическим. Вопреки всей ограниченности этого подхода заслугой данной школы стало то, что ее основатели (Л.Уорд [17] и Ф.Гиддингс [18]) впервые поставили вопрос о существовании общественного сознания и необходимости его изучения. Важным вкладом инстинктивизма в понимание социальных проявлений человека было стремление классифицировать инстинкты, имеющие социальный характер, и изучение роли бессознательного в поведении людей. Следует также воздать должное направлению “психологии народов” с его установкой на сближение психологических, этнографических, лингвистических, историко-филологических и антропологических исследований с целью концептуализации и исследования взаимодействия культуры и индивидуального сознания.

Впрочем, ни одно из этих направлений не раскрыло природы социального в массовом поведении и социальных механизмов адаптации индивидов друг к другу в пределах социальных норм. Это касается и групповой психологии, представленной именами Г.Лебона, Ч.Ломброзо, Л.Сигеле, которые исследовали не только аморфную “толпу”, но и конкретные человеческие группы (диады, триады) в процессе межличностного взаимодействия.

Дальнейшие наблюдения за этими процессами Г.Тарда [19] во многом определили развитие теории массовых коммуникаций и психологии общения. Согласно Г.Тарду, социальные процессы — это процессы интериндивидуальные. Поэтому наука об этих процессах, социология, для него тождественна “интерпсихологии”, которую он называет также “интерсубъективной” и “интерментальной” психологией в отличие от психологии индивида. Тард считает, что прогресс социологии будет состоять в ее дальнейшей психологизации. В противовес таким социологам, как О.Конт, Э.Дюркгейм, Г.Спенсер и др., которые в своем анализе отталкивались от социального целого, Г.Тард исходил из элементарного межиндивидуального взаимодействия и в этом направлении искал подход к определению общества.

Э.Дюркгейм, как и Г.Тард, также признавал, что социология, по существу, тождественна “коллективной психологии”, которую следует отличать от психологии индивида. Вместе с тем, Тард, как и Дюркгейм, признавал идею “некоторого социального реализма”; согласно этой идее, будучи результатом межиндивидуального взаимодействия, социальная реальность влияет на индивида изредка насилием, чаще убеждением или примером. В итоге Г.Тард стал одним из основателей новой науки: социальной психологии.

Таким образом, противопоставление индивида и общества уступает место идее их взаимопроникновения, которая разрабатывалась в рамках интеракционизма. Личность теперь понимается как социальное существо, принадлежащее к определенной социальной группе и выполняющее социальные роли. Так предметом исследований становится единая социопсихологическая реальность.

“*Методологическим индивидуализмом*” назвал свою интегративную теорию французский социолог Р.Будон [20]. В качестве “логических атомов” исследования он рассматривает индивидов, включенных в систему взаимодействия, и возражает против признания простейшими единицами анализа таких “агрегатов”, как класс, группа, нация. В центре внимания Будона — как в микро-, так и в макроплане — индивидуальный действующий субъект. Ученый описывает “человека социологического” (*homo sociologicus*), про-

тивопоставляя ему “человека экономического” (*homo economicus*). “Человек социологический” делает не просто то, чему отдает предпочтение, а то, что его вынуждает делать привычка, интериоризированные ценности, в целом этические, когнитивные и физические предпосылки. При этом следует подчеркнуть, что выбор субъектом определенного поведения определяется структурой ситуации и его местом в ней. Резюме теоретической позиции Р.Будона: действующий субъект имеет определенную автономию, которая варьирует в зависимости от контекста.

Методологической вершиной традиционной социологии стала “наука о социальном поведении” Т.Парсонса [21], в рамках которой социальная реальность представлена только макроуровнем. Методологическая ограниченность взглядов Т.Парсонса проявилась в устранении от объяснения механизма развития социальных систем. Высоко оценивая потенциал теоретической конструкции Парсонса, приходится констатировать ее методологическую незавершенность, вследствие которой ему не удалось найти в структурно-функциональном анализе методологический ключ к объяснению процессов социального развития. По этому поводу П.Бергер и Т.Лукман утверждают: “...стандартные версии функционалистского объяснения в социальных науках следует считать теоретическим трюком” [цит. по: 3, с. 298].

Идея Дж.Ритцера [10] об организации социологического знания вокруг интегральной модели “уровней социальной реальности” предполагает исследование взаимодействия четырех уровней: макро- и микроуровней, а также объективного и субъективного. По его мнению, интегральная модель социальной реальности включает макрообъективные явления, макро-субъективные структуры, микрообъективные феномены и микросубъективные факты. Такая модель, во-первых, дает возможность установить реальные взаимосвязи между различными уровнями социальной реальности, во-вторых, служит основой классификации изучаемых явлений и, в-третьих, требует применения адекватных этим явлениям методики и техники.

Интегральную модель социальной реальности Дж.Ритцера можно интерпретировать в соотнесении с основными парадигмами западноевропейской и американской социологии: плану макрообъективного и макросубъективного уровней отвечает парадигма “социальных фактов”, плоскости макросубъективного и частично микросубъективного (касающегося ментальных процессов) уровней — парадигма “социальных дефиниций”, а собственно микросубъективному уровню — парадигма “социального поведения”.

Важным в исследовании социальной реальности является вопрос о взаимообусловленности методологии, теории и методов, т.е. о том, в какой степени “вписан” тот или иной метод в определенный теоретико-методологический контекст. Связь методов и теоретико-методологических принципов является важным фактором для определения степени возможности (или невозможности) перенесения методического исследовательского инструментария из одной концептуальной схемы в другую. Такая познавательная ориентация предупреждает “вырывание” конкретных методик из определенной системы с ее методологической основой и некритичное (вне обращения к основам их функционирования) принятие их на вооружение лишь на том основании, что технически они хорошо разработаны и дают определенные результаты.

Любое исследование, как известно, возводится на двух китах: *открытии* и *верификации*. Но не существует метода, способного одновременно решить

и проблему открытия, и проблему верификации. Это обуславливает необходимость применять различные методы и методики: измерение значимых переменных, стандартизированные методы наблюдения, изучение документов, опросы и т.п. Ограниченность одного компенсируется преимуществами другого, обеспечивая социологическую информацию для многофакторного анализа и объяснения.

В последнее время в области социологической методологии предпринимаются многочисленные попытки типологизации социально-теоретического знания. Например, выделяют теории макро- и микросоциологических уровней или говорят о социологических теориях социетарного, группового и личностного уровней. Различаются теории и по предметно-методологическим основаниям. Тогда в социологии выделяют такие направления, как *натурализм*, *биологизм*, *психологизм* или *структурализм*. Сложность типологизации и классификации существующих теорий обусловлена тем, что не существует прямой преемственности в развитии социально-теоретического знания, когда одна теория непосредственно занимает место другой. Скорее мы имеем дело с целым веером теорий [подр. см.: 1, 2].

Оригинальный подход к познанию социальной реальности, который получил название *диалектического гиперэмпиризма*, развивал Ж.Гурвич. Возражая против формально-дедуктивных подходов и эмпиризма западной социологии, ученый предложил, на его взгляд, строгую социологическую схему, которая должна четко отображать социальную реальность [22]. Суть диалектического, или релятивистского, гиперэмпиризма состояла в попытке тесно связать опыт с его теоретизацией, объяснение с пониманием, эмпирическое с теоретическим, а также в отрицании любого противопоставления индивидуального социальному (коллективному).

Таким образом, по характеру принципиальных методологических подходов к анализу общества все социологические парадигмы можно разделить на две большие группы. Первую образуют *структуралистские парадигмы*, которые рассматривают организацию, функционирование и развитие общества как единого целого, т.е. на его макроуровне. Вторая группа — это *интерпретационные парадигмы*, настаивающие на изучении и интерпретации человеческого поведения на микроуровне.

К основным макросоциологическим парадигмам принадлежат структурный функционализм и марксизм. Наиболее известные микропарадигмы — концепция социального действия М.Вебера и такие современные парадигмы, как символический интеракционизм, феноменология, этнометодология. Сторонники парадигмы социального действия единогласны в том, что социологам в первую очередь нужно понять и интерпретировать поведение людей и раскрыть те смыслы, которые сами люди им придают. Представители феноменологической парадигмы главное внимание сосредоточивают на внутренней работе человеческого сознания — на способах осмысления окружающего мира и классификации его явлений. Чтобы понять социальную жизнь, по мнению феноменологов, необходимо изучить способ, при помощи которого люди категоризируют конкретные явления.

В истории социологической мысли всегда предпринимались *попытки ликвидировать разрыв между макро- и микросоциологическими парадигмами*. М.Вебер был едва ли не первым среди пытавшихся это сделать. Ключевые методологические основания понимающей социологии Вебера — рациональность, рационализация, целерациональное поведение.

Ощутимых результатов в этом плане достиг П.Сорокин, создавший так называемую *интегральную социологию*, изучающую общество, его явления, взаимоотношения индивида и групп людей с обществом с точки зрения сосуществования множества социокультурных систем, которые пребывают в состоянии сложного движения, — по горизонтали, по вертикали и в виде флуктуаций (колебаний). Методологические основания такого подхода предполагают органичное сочетание интуитивного, эмпирического и рационалистического методов. Согласно данной парадигме анализ общества на макро- и на микроуровне практически теряет свою специфичность. Это характерно и для *неофункционалистской парадигмы*, которую представляют Ю.Хабермас, Н.Луман, Дж.Александр и др. Неофункционалисты в исследовании социальных реалий стремятся учитывать точки зрения различных социальных сил, предпосылки и результаты их действий, считая, что тем самым можно объяснить эволюцию общества. Особое ударение при этом делается на выявлении рациональности в коммуникативных действиях членов общества.

В современной социологии, в частности в трудах таких социологов, как П.Уиллс и Э.Гидденс, наблюдаются попытки ликвидировать разрыв между структуралистскими и интерпретационными парадигмами. Так, Гидденс, исходя из того, что ни структура, ни действие не могут существовать независимо друг от друга, считает, что именно социальные действия людей создают и воспроизводят структуры, которые в результате можно рассматривать как образцы поведения людей.

Этнометодология — сравнительно новая социологическая парадигма, которая сосредоточивает внимание на изучении методов, используемых людьми для отображения социального мира. Этнометодологи утверждают, что *социальные реалии — результат конструирующей и интерпретационной деятельности самих людей*. Онтологический и методологический аспекты здесь настолько тесно переплетаются, что их трудно различить. Основоположника этнометодологии, американского исследователя Г.Гарфинкеля [23] интересовало, каким образом возможно рациональное описание повседневного опыта, актов социального взаимодействия; почему и как люди приходят к согласию; что является основой общественного существования и порядка, связывая людей в единое общественное образование и, в итоге, составляя основы культуры.

С точки зрения этого исследователя, социология призвана изучать все аспекты повседневной жизни, все обычные и необычные явления, будучи сама по себе частью повседневной деятельности людей. Все люди в обществе, по Г.Гарфинкелю, являются своего рода социологами, ибо, приписывая значения действиям других и претендуя на их понимание, они выступают как “практические теоретики”, а ученый-социолог должен обобщать этот повседневный опыт взаимодействия и понимания в строго выверенных терминах, добиваясь соответствующего теоретически обоснованного объяснения социальных явлений. Наука и объект познания как бы сливаются в одну органичную целостность.

Важным компонентом гипотезы Г.Гарфинкеля является мысль о том, что объясняя свои действия, индивиды рационализируют их, делая тем самым социальную жизнь упорядоченной и понятной. Задача же социолога состоит в том, чтобы понять, описать и обобщить эти рациональные основания социального бытия, выработав на данной основе теоретическую модель общества. При этом наука не должна слишком отрываться от своего

объекта описания, чрезмерно теоретизируя свой язык. Наоборот, она должна как можно больше приблизиться к тем языковым стандартам, которые господствуют в повседневном мире, быть, так сказать, транслятором народной мудрости и здравого смысла.

Впрочем, с позиции этнометодологии, нужно просто различать два уровня познания: повседневный опыт и научно-теоретическое знание. Каждая из этих форм познания имеет свою специфику. В одном случае преобладает опыт индивидуализации, в другом — объективизации. Но несмотря на всю специфичность этих уровней, они не могут существовать отдельно друг от друга. Наука становится частью повседневного опыта, а последний органично вписывается в научный дискурс.

Таким образом, к основным теоретико-методологическим основаниям этнометодологии принадлежат следующие положения:

- общество как таковое теряет признаки объективной реальности;
- социальная реальность предстает как система взаимодействий;
- само социальное взаимодействие понимается не как реальный факт физического взаимодействия, а как реализация духовных (языковых) контактов, базирующихся на интересубъективном значении языковых единиц; т.е. социальная реальность предстает как онтологизация значений и смыслов слов; она конструируется в ходе языковой коммуникации; социальная реальность динамична, изменчива, уникальна и неповторима; ее объективность, повторяемость и закономерность являются лишь результатом применения общетеоретических понятий как квазикатегорий. Объективированность социальной реальности (как чего-то устоявшегося и повторяющегося) осуществляется лишь в науке как переход от индексных суждений повседневного языка к объективным обобщенным суждениям языка науки.

В 80-е годы XX столетия наиболее четко обозначилась тенденция к конвергенции различных парадигм в понимании микро- и макроуровней социальной реальности. Это проявилось в теории “структуриации” (Э.Гидденс), в идеях “интеграции теории действия и теории систем” (Ю.Хабермас), интеграции социального действия и социального порядка (Дж.Александр), “микрооснов явлений микроуровня” (Р.Коллинз), интеграции рационального выбора с макросоциологическими проблемами (М.Хечтер), “интегративного обмена” (Р.Эмерсон), “структурной теории действия” (Р.Берт), “методологического индивидуализма” (Р.Будон) и ряде других [1].

Следует признать, что чрезвычайная сложность проблемы исследования социальной реальности делает невозможным исчерпывающее ее решение в рамках сложившихся школ и направлений социальных исследований. Теоретико-методологическая плюралистичность социологии, проявляющаяся в существовании множества конкурирующих между собой общих теорий, их разнообразии, мозаичности, а то и гибридности, в наличии “демаркационных линий” между ними, конечно, в какой-то степени спасает от догматизма. Однако до сих пор не удалось сломать барьеры разрозненности внутри социологического знания и навести мосты между различными теоретическими концепциями, согласовав их и обеспечив таким образом единый теоретический подход к познанию общих принципов организации, функционирования и изменения общества [24, 25]. Ныне, как отмечает один из наиболее значительных социальных теоретиков современности профессор Никлас Луман, “авторитет социологии падает”; состояние дел производит “впечатление

истощения или уныния”, и “в целом как теоретическая, так и методологическая дискуссия стагнируют и, очевидно, не соответствуют времени” [26, с. 244].

Практика общественной жизни требует обогащения и усовершенствования социологической теории. Поиски универсальных абстрактных законов — не самоцель. Конструктивная установка состоит в более продуктивном использовании достижений и возможностей не только социологической теории, но и проверенных практикой эффективных исследовательских методов и инструментария других наук. Актуальность такого подхода для социологии обусловлена не столько слабостью и разнородностью существующих социологических методик (что все-таки имеет место!), сколько, главным образом, их противоречивостью в рамках общего социологического дискурса.

Конструируя новые средства понимания социальной реальности, необходимо учитывать огромную сложность и человека, и общества, информационную многомерность их, адаптационность, нелинейность. Без этого в условиях параметрической неопределенности объекта исследования или произвольного выбора и толкования параметров, отягощенного неоднозначностью естественного языка, “описательные классификации” феноменов социальной жизни, которые до сих пор доминируют в общественных науках, имеют крайне ограниченные аналитические и прогностические возможности.

Да, социология нуждается в разнообразии подходов. Но вряд ли конструирование какой-либо супертеории или применение стратегий синтеза, кодификации, интеграции, комбинирования, унификации, когерентности или даже “тоталитаризации” обеспечат переход к качественно новому уровню социологического мышления. Совершенно очевидно, что нужен другой подход...

Поиски методологии, пригодной для исследования систем такого высокого уровня сложности и дифференцированности, как социальная реальность, неизбежно приводят нас к моделированию — эффективному и гибкому общенаучному инструменту исследования. Уже стало аксиомой: сложные и сверхсложные объекты можно эффективно исследовать только на моделях [подр. см.: 27]. Продуктивное развитие современной социологической теории в плане исследования социальной реальности может обеспечить методология моделирования [28], детальное рассмотрение которой требует отдельного изложения.

Литература

1. История теоретической социологии : В 4-х т. / Отв. ред. и сост. Ю.Н.Давыдов. — М., 1997; История теоретической социологии : В 5-ти т. — М., 1999; История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Г.В.Осипов. — М., 1999; *Ручка А.О., Танчер В.В.* Курс історії теоретичної соціології. — К., 1995; Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. — М., 1990; Очерки по истории теоретической социологии XX столетия (от М.Вебера к Ю.Хабермасу, от Г.Зиммеля к постмодернизму). — М., 1994; Современная американская социология. — М., 1994; Социология на пороге XXI века: новые направления развития / Под ред. С.И.Григорьева, Ж.Коэнен-Хуттера. — М., 1998.
2. Теория общества. Фундаментальные проблемы. Сборник / Пер. с нем., англ. Вступ. ст., сост. и общ. ред. А.Ф.Филиппова. — М., 1999.
3. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. Е.Д. Руткевича. — М., 1995.

4. Дюркгейм Э. Метод социологии. — Киев; Харьков, 1899; *Осипова В.Е.* Социология Эмиля Дюркгейма: Критический анализ теоретико-методологических концепций. — М., 1977.
5. *Mead G.H.* Mind, Self and Society: From the Standpoint of a Social Behaviorist. — Chicago, 1934.
6. *Beniger J.R., Savory L.* Social Exchange: Diffusion of a Paradigm // *American Sociology*. — 1981. — Vol. 16.
7. *Singelmann P.* Exchange as Symbolic Interaction // *American Review*. — 1972. — Vol. 38.
8. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. — 1988. — № 2.
9. *Alexander J.* Theoretical Logic in Sociology. — Berkeley, 1982. — Vol. 1.
10. *Ritzer G.* Sociological Theory. — N.Y., 1988.
11. *Coleman J.* Social Theory, Social Research and a Theory of Action // *American Journal of Sociology*. — 1986. — Vol. 91.
12. *Hindess B.* Actors and Social Relations // *Sociological Theory in Transition* / Ed. M.L.Wardell, S.P.Turner. — Boston, 1986.
13. *Burth R.* Toward a Structural Theory of Action: Network Models of Social Structure, Perception and Action. — N.Y., 1982.
14. *Конт О.* Общий обзор позитивизма // *Западноевропейская социология XIX века*. — М., 1996.
15. *Милль Д.* Система логики силлогической и индуктивной. — М., 1899.
16. *Поппер К.* Нищета историцизма. — М., 1993.
17. *Уорд Л.Ф.* Психические факторы цивилизации. — М., 1897.
18. *Гиддингс Ф.* Основания социологии // *Американская социологическая мысль*. — М., 1994.
19. *Тард Г.* Социальные законы. — СПб., 1906; *Тард Г.* Психология и социология // *Новые идеи в социологии*. — СПб., 1914. — № 2.
20. *Boudon R.* The Logic of Social Action. An Introduction to Sociological Analysis. — L., 1979–1981.
21. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // *Американская социологическая мысль*. — М., 1996. — С. 448–464; *Парсонс Т.* Система современных обществ. — М., 1997.
22. *Cuin Ch., Gresle F.* Histoire de la sociologie. — Vol. 2. — P., 1992.
23. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. — N.Y., 1967; *Garfinkel H.* Ethnomethodological Studies of Work. — N.Y., 1986.
24. *Силвермен Д.* Некоторые игнорируемые вопросы о природе социальной реальности // *Новые направления в социологической теории*. — М., 1978. — С. 300–327.
25. *Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // *Социологические исследования*. — 1995. — № 11. — С. 12–23.
26. Социологические размышления: Интервью с проф. Н.Луманом // *Проблемы теоретической социологии* / Ред. Бороноев А.О. — СПб., 1994. — С. 236–248.
27. *Плотинский Ю.М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. — М., 1998; *Давыдов А.А., Чураков А.Н.* Модульный анализ и моделирование социума. — М., 2000.
28. *Маринич І.В.* Методологія моделювання у розвитку соціологічної теорії // Проблеми розвитку соціологічної теорії: Наукові доповіді і повідомлення першої Всеукраїнської соціологічної конференції. — К., 2001. — С. 27–32; *Маринич І.В.* Моделювання національного менталітету // *Україна: інтелект нації на межі століть* / Кер. авт. кол. В.К.Врублевський. — К., 2000. — С. 280–320.